

УДК 323.2

САМОРЕГУЛЯЦИЯ СМИ КАК МЕХАНИЗМ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ

Л.С. Леонтьева

Аннотация

Коммуникативная легитимация власти в значительной мере обусловлена доверием населения к институту СМИ. Состояние упорядоченности диссипативной системы массмедиа, обусловленное национальными интересами, предполагает антиэнтропийный процесс регулирования информационно-медийного пространства и саморегулирование СМИ. Взаимопереходы открытой медийной системы от равновесного состояния к неравновесному обуславливают российскую модель саморегуляции: государственную «включенность» в деятельность корпоративных медийных органов. Механизмы саморегулирования, рассмотренные в статье, обуславливая достижение баланса в русле медийной «свободы и ответственности», стимулируют диалогичность государственно-гражданских взаимоотношений, а значит, поддерживают информационную устойчивость политической системы.

Ключевые слова: саморегуляция СМИ, информационно-коммуникативные отношения, коммуникативная легитимность, информационная устойчивость политической системы, коммуникативная природа власти, обратная связь между властью и обществом, ментальная и политическая идентичность, линейное и нелинейное управление, общественное вещание, социально-политическая информатиология.

Процессы модернизации в сфере государственного управления требуют конструктивного публичного дискурса. Власть, не пытающаяся объяснить населению свои действия, игнорирующая социальные настроения, иррациональна. Коммуникативность ее природы обуславливает необходимость соответствующей легитимации. Доступ граждан к социально-значимой информации – основной принцип свободных обществ, коллективного, позитивного саморегулирования.

Информационно-коммуникативная система, в терминологии Л.Н. Гумилева, имманентно пассионарна, то есть обладает врожденной способностью аккумулировать энергию внешней среды и воплощать ее в энергию социального действия. Отсюда – классическое определение СМИ как «четвертой власти», способной «влиять на чужую волю», стимулировать социальное общение.

В результате социального взаимодействия гражданских структур, органов власти, массмедиа образуются «информационно-коммуникативные отношения, наполненные идеологией содержания и оформленные механикой субординации» [1, с. 13]. С позиций социальной и политической информатиологии антагонизм, апологетика либо партнерство во взаимодействии данных социальных

субъектов обуславливают полноту и направление применения коррекционно-регулятивных возможностей СМИ и МК.

Если власть, по Н. Луману, есть «управляемая кодом коммуникация» [2, с. 29], то самосохранение политической системы требует постижения смыслового содержания кодов (символов) в социально-политических отношениях, которое достигается при адекватном восприятии политиками общественных явлений и процессов. Поэтому для регулирования государственно-гражданских интересов на основе синергии, а не антагонизма «конвенциональным коррелятом в политической системе выступает дискурс» [3, с. 149] как символическая деятельность политиков и граждан.

Власть, обладающая базовыми, институциональными, нормативными условиями существования юридически легальна, но ее коммуникативная легитимность формируется в процессе общезначимого диалога, поддерживающего веру населения в адекватность властных институтов, признание социально-политического порядка и добровольное согласие следовать установленным правилам в повседневных практиках.

Власть, не укрепляющая единство в многообразии, информационную устойчивость системы в плюрализме информационных потоков, декларирующая, но не охраняющая конституционное право каждого на информацию, теряет общественную поддержку, а значит, условия информационно-коммуникативной легитимации.

Девальвация коммуникативной легитимности государственной политики наступает в результате отсутствия идентичности между кодами власти и медийными кодами, отсутствия политической воли «коммуникативного разума» (Ю. Хабермас) исполнительной власти.

В терминах социосинергетики, новые «параметры порядка» в российском социуме формируются в процессе продвижения по «континууму демократии», то есть в процессе изменения конфигурации социально-политической системы.

Механизмом, способным дестабилизировать или упрочить внутрисистемные процессы, является обратная связь между властью и обществом: положительная обратная связь в духе информационно-медийного «одобрения» официоза простимулировала распад СССР; отрицательная обратная связь есть «отраженное общественное мнение». Общество, желая избежать «статуса» объекта манипуляции, посылает власти импульсы-требования, а власть – управленческому аппарату. Однако административно самодостаточная система зачастую элиминирует знание, мешающее статусно-должностной стабильности персонала («заказная» неадекватность информационных материалов реалиям, отсутствие реакции на медийные и общественные сигналы).

Действенная медиа-оппозиция предполагает самокритичность власти, иначе оппонент не только не будет услышан, неизбежно попадая в «спираль умолчания», но и, как «противник», авторитарно подавлен. С другой стороны, «голая» критика власти и всех ее начинаний еще не свобода слова и уж никак не основная миссия СМИ, тем более что под видом критики вполне может скрываться заказ, имитирующий независимость издания.

И в том, и в другом случае на «выходе» при принятии управленческих решений и их исполнении получаем информационный голод, неупорядоченность, состояние энтропии.

Для государственных органов систематической попыткой сброса энтропии являются кадровые сокращения, которые, тем не менее, приводят к разрастанию аппарата вне зависимости от структурно-функциональных потребностей и профессионализма кадров (по Н. Паркинсону, прирост составляет 5.75% в год). Вероятно, по закону минимума диссипации происходит экономия усилий управленческой элиты, сохранение ее статус-кво и максимально возможного внутреннего единства. Не без доли иронии госслужбу как «самовоспроизводящийся» институт можно охарактеризовать эффективным термином – аутопоэтическая система, наблюдающая саму себя, существующая автономно, выстраивающая высокую собственную сложность при «безразличии к окружающему миру» (Ф. Варела) [4]. Аутопоэзис как воспроизведение «различности системы по отношению к внешнему миру» (Н. Луман) обеспечивает (объясняет) ее существование, осуществляясь в форме коммуникации.

Коммуникатор (СМИ) между госаппаратом, властью и гражданским обществом в идеале призван выполнять информационно-контролирующую функцию, сдерживать авторитарно-властный «беспредел». Адекватное внимание исполнительной власти к медийным «вызовам» служит импульсом к «самовоспроизводству» административной системы в жизнеспособном направлении (например, система «заслуг и достоинств» «отзывчивой бюрократии»). Как позитивное следствие, активизируется социальный диалог и СМИ получают подтверждение собственного статуса четвертой власти.

Однако подотчетность СМИ государственному аппарату, капиталу, а не обществу, слабая система корпоративной самоорганизации создают «неинформационный» сценарий развития событий. Для медиа-института как открытой, креативной системы, эффективность которой связана с информационной актуальностью и, более того, сенсационностью, элиминация «лишней» информации кажется явлением парадоксальным. Тем не менее информация, мешающая стабильности (финансовой, организационной, лицензионной и др.), не соответствующая редакционной политике, имиджу издания зачастую подвергается политкорректной доработке. На «выходе» получаем все тот же информационный дефицит для определенных сегментов аудитории, неадекватность информационного обеспечения госаппарата и мифологизацию массового сознания.

Медийные технологии институционализации «господства» предлагают аудитории востребованную «картину мира», «вписывая» в нее образ власти с большей или меньшей степенью адекватности реалиям. Демонстрация государственно-политических успехов и социально-ориентированных стратегий создает ситуационный психотерапевтический эффект, снижая социальное напряжение и протестные настроения за счет позитивного ожидания. Неоправдавшиеся ожидания усложняют «имиджевую» ситуацию, реализуя «эффект расщепленного, дихотомического сознания, в экзистенциальном смысле – ложного сознания, в технологическом – манипулятивного» [5, с. 45]. Принцип «коммуникативного реализма», требующий соответствия политической реальности и медиа-контента, трудновыполним, поскольку «власть с середины 1990-х годов и

с особенной интенсивностью в последние годы отказывается от обращения к разным социальным и политическим партнерам, к разным источникам легитимации и авторитета, все более капсулируясь в себе, своих интересах и собственных закулисных интригах» [6]. Закрытая, клановая система с субъект-объектным характером отношений не способна признать значимость Другого, ибо авторитарная власть есть точка отсчета, субъект управления находится над системой (а не внутри нее), общество в целом либо конкретная медийная аудитория оцениваются в категориях подчинения «сверху-вниз». В результате традиционное «недопонимание» между госаппаратом и народом усугубляется «позиционно ценностным противостоянием относительно гражданского общества» между госслужбой и прессой [7, с. 190]. Бюрократическое сопротивление аппарата открытости, сервисности снижает уровень информированности населения, что в совокупности с превалированием «биологизированной функции журналистики» приводит к формированию нового феномена – «желтопрессового» сознания [8, с. 302], а значит, к игнорированию социальной ориентированности обоих социальных институтов и, более того, ставит под вопрос реализацию их коммуникативной сущности.

Если веберовской, рациональной бюрократии вполне адекватна монологическая система СМИ с тотально заданным идеологическим «форматом», то становление информационного общества и развитие современных демократий предполагает информационное множество, гибкость, открытость медийных коммуникаций. В состоянии гомеостаза линейный, «условный рефлекс» является адекватной реакцией на вызовы среды, тогда как нестабильность продуцирует нелинейные эффекты.

Чувствительность нелинейного мышления к информационным микровоздействиям представляет собой «режим с обострением», способный породить из любой микрофлуктуации макроструктуру. Субъект, зафиксировавший и осмысливший определенную информацию, потенциально способен в соответствии с индивидуальными качествами, мотивированностью разрыхлять структуру в локальной зоне и посредством резонансного возбуждения привести систему к точке бифуркации. Структура, в соответствии с принципом динамической организованности (упорядоченности с потенциальной возможностью действия), готова к изменению конфигурации.

Возможность возврата в предшествующие социальные состояния «перекрывается» (необратимость исторического времени) нарастающей скоростью информационного обмена и частотой новых событий, создающих качественно новую ситуацию. В результате социальная система продолжает функционировать в откорректированном «формате» в состоянии «динамического равновесия» и информационной устойчивости.

При этом степень ее возросшей эффективности объясняется исследователями (в частности, профессором В.Л. Романовым) не столько рационально фиксированными функциональными связями, сколько корреляциями, представляющими собой стохастическую взаимозависимость деятелей. Данные корреляции контролируют возникающие отклонения от формирующегося общего порядка, создают базис позитивной самодеятельности, самоорганизации и реализуются посредством коммуникаций.

Исходя из системно-синергетического описания механизма действия информационных флуктуаций, самоорганизация и управленческое воздействие взаимодополняют друг друга в соответствии с «принципом согласия» (коммуникативности, диалогичности). Опираясь на методологический базис социально-политической информатиологии, рассмотрим практическую реализацию саморегулятивных интенций медийной системы в контексте неоднозначных взаимоотношений российской власти, общества и СМИ.

Отсутствие готовых рецептов по «сборке» самоорганизующихся систем обуславливает взаимопереходы открытой медийной системы от равновесного состояния к неравновесному. Структурируясь на основе новой символической матрицы, бытие постбифуркационного социума предполагает «перестройку» организационных, семантических, деонтологических элементов медийной системы.

Исходя из морфологии понятия «саморегуляция», речь идет об абсолютно самостоятельном регулировании собственной деятельности, об отсутствии официально оформленных механизмов управления. Однако реальные условия бытия корректируют практическое воплощение данного лингвистического конструкта. Синергетический акцент на организации порядка из хаоса, раскрывая позитивный потенциал «самовозникновения», допускает регулирование механизмами, порождающими спонтанные процессы.

«Саморегулирование» российских СМИ дополняется механизмом «сорегулирования», что по преимуществу на практике означает совместную с государственной властью регуляцию возникающих в отрасли проблем.

Общественно-государственные модели медийного саморегулирования типичны для недолгой истории данного процесса в пореформенный период. Именно по Указу Президента в 1993 г. был сформирован первый орган саморегулирования медийного сообщества – Третейский суд по делам прессы, преобразованный впоследствии в Судебную палату по информационным спорам при Президенте РФ, деятельность которой была прекращена в 2000 г. Главой государства. В 1998 г. на съезде Союза журналистов России создано Большое Жюри – «орган внутрикорпоративного саморегулирования», по инициативе которого в 2005 г. учреждена ныне действующая Общественная Коллегия по жалобам на прессу. По Уставу (ст. 1.1) – это «независимая структура гражданского общества, осуществляющая саморегулирование и сорегулирование в сфере массовой информации». Исходя из специфики действия принципа субсидиарности в российском варианте как передачи полномочий «сверху-вниз», а не обратного, добровольного делегирования, можно утверждать, что «чистое» саморегулирование без поддержки государства и вне его властных инициатив в России на данный момент весьма проблематично.

К тому же зарубежный опыт бытования идеи «саморегуляции» и ее практического воплощения также неоднозначен. Существует несколько подходов к определению природы органов саморегулирования СМИ: свободное волеизъявление журналистов, то есть добровольное создание органов внутрикорпоративного саморегулирования; «законодательное саморегулирование», то есть учреждение органов саморегулирования предписано законом; «законодательный каркас», то есть закон не обязывает, а наделяет общество и ассоциации

правом создания органов саморегулирования [9]. Разумеется, гибкость, правомочность, законность последнего, компромиссного варианта привлекают. Вопрос заключается в механизмах последующего функционирования саморегулирующейся организации, в создании целостной системы саморегулирования отрасли, а не отдельных атомизированных, не координирующих совместную деятельность органов. В России Федеральный Закон «О саморегулируемых организациях» был принят в первом чтении Госдумой 14 октября 2003 г., а вступил в законную силу только 1 декабря 2007 г. (№ 315-ФЗ). Под саморегулированием (ст. 2, п. 1) в ФЗ понимается «самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением указанных стандартов и правил». По образному сравнению профессора М.А. Федотова в интервью Радио Свобода, саморегулируемая организация – «это некий близкий родственник Третейского суда», ибо она также призвана регулировать споры между участниками одной профессиональной группы на основе соблюдения норм права и созданных корпорацией стандартов, стремясь «не судить, а рассудить» конфликтующие стороны. Конечно, генетически право проистекает из морали, но в переломные периоды функционирования социума правовые нормы «поддерживают» мораль от деградации, утрачивая свою санкционирующую значимость по мере социальной стабилизации. К тому же в истории российского права и в юрисдикциях иностранных государств наряду с «третейскими судами по закону» глубокие традиции имеет так называемое «третейское судопроизводство по совести» (современное российское право от него отказалось) [10, с. 3–7]. Для данной «третейской» разновидности разрешения спора основой принятия решений является принцип справедливости и мораль как данность, либо в форме абсолюта, либо как имплицитное знание. Механизм саморегулирования той или иной отрасли в отличие от третейских процедур предполагает самостоятельную разработку и добровольное признание профессиональных этических норм, не противоречащих позитивному праву (закону).

Деятельное генерирование внутриотраслевых правил интегрирует корпорацию. Наличие авторитетного, признанного медийным сообществом органа саморегулирования способствует поддержанию баланса интересов как внутри сообщества, так и вне его – с государством и, разумеется, с обществом посредством внесудебного разрешения информационных споров. При профессионально-этической юрисдикции органа саморегулирования конфликтная ситуация разрешима с установлением нравственно-финансовых санкций (репутация, штраф), а оперативность и прозрачность обнародованных итоговых заключений позволяют публично реагировать на ситуацию в динамичном духе медийной сферы. Вопрос действенности упирается в проблему корпоративной солидарности, в осознание профессиональным сообществом необходимости интегрирующих правил и следования им без правовой обязательности. Другая сторона вопроса, внешняя, – неготовность общества к саморегуляции (что наглядно проявляется в реалиях муниципальной реформы): неразвитость структур гражданского общества, социальная апатия, непрозрачность экономики и как

«медийное» следствие – «джинса», черный PR, отсутствие общественной поддержки СМИ.

Несформированность позитивного общественного мнения, которое формируется самими СМИ и МК, ведет к информационному кризису, к общественным требованиям ввести государственную цензуру после многих десятилетий тотального официоза и одновременно – к недоверию власти, ибо СМИ на уровне архетипа воспринимаются как проводники ее интересов. Саморегулирование на основе принципа диалогичности снижает информационную напряженность, легитимируя медийно-политический порядок посредством социально-направленных медиа-флуктуаций, которые «возмущают», корректируют политическую систему, стремящуюся к консервации.

Социально ответственные СМИ способны выступать инструментом достижения баланса между внешними вызовами и внутренними интенциями развития политической системы. С одной стороны, социально-ориентированные СМИ «расшатывают» систему в точках стагнации, выводя на адекватные реалиям уровни функционирования в духе «порочных кругов» М. Крозье, с другой стороны, поддерживают «динамическое равновесие» политической системы как позитивную процессуальность. И в том, и в другом случае результатом гражданской, не сервильной журналистики является информационная устойчивость политической системы.

Данные теоретические рассуждения порождают закономерный вопрос о субъекте экспертизы СМИ на соответствие профессиональным нормам: очередной ревизионный орган на общественных началах или кантовский категорический императив осознавшего свою социальную миссию журналистского сообщества?

Если учитывать, что императивность «этического» в диалектике социального-индивидуального приобрела виртуальный характер (и не только в СМИ), то следует признать, что внутренняя творческая самоорганизация отдельного представителя СМИ требует внешнего для него (но внутреннего для медиа-сообщества) механизма контроля. Такую функцию может взять на себя Ответственная коллегия по жалобам на прессу. Однако отсутствие публичной интерактивности и оперативности в деятельности данного общественного органа актуализирует дополнительные формы социального, профессионального контроля на «низовом», редакционном уровне. С точки зрения регуляции отношений прессы и читателя продуктивна западная практика омбудсменов («читательских редакторов»), имеющих собственную печатную площадь для ответов на вопросы читателей, исправлений редакционных материалов и защиты журналистов от необоснованной критики. При наличии данной формы правозащитной деятельности общее профессиональное саморегулирование (в России – Ответственная коллегия) на уровне конкретного издания получает дополнительное саморегулирование (омбудсмен) при непосредственном ежедневном общении с аудиторией. При учете индивидуального уровня («этическая чистота журналиста» Я. Засурской) складывается трехъярусная саморегуляция, освобождающая общество и СМИ от необходимости государственной цензуры как проводника идеологического монизма.

«Защищенность – этичность – творчество» как возможные и желательные последствия саморегулирования СМИ отвечают, с одной стороны, потребностям населения в социально ответственной человеко-ориентированной журналистике и, с другой стороны, интересам самих журналистов, обретающих творческую независимость посредством защищенности от различных форм диктата.

Корпоративное внимание медиа-сообщества к институту саморегуляции, позитивные обещания журналистов власти и обществу в плане самоконтроля периодически усиливаются как альтернатива ужесточению медийного законодательства. Директор Института проблем информационного права А.Г. Рихтер, осуществляя компаративный анализ саморегулирования в постсоветских государствах, отмечает идентичность основных тенденций. Исчезновение угрозы правовых ограничений снижает «интерес журналистских организаций к соблюдению только что принятых этических кодексов и хартий» [11, с. 52]. В России взаимосвязь между законотворчеством и саморегулированием в масс-медиа прослеживается в истории рождения и угасания следующих «добровольных» обязательств журналистского сообщества.

Во-первых, это «Хартия телерадиовещателей» Российской Федерации, в которой декларируются правила самоограничения, «устанавливающие грань дозволенного в публичном распространении материалов, способных нанести вред нравственному, физическому и психическому здоровью людей». Как попытка установить внутрикорпоративный контроль «Хартия...» была принята после долгих дебатов 28 апреля 1999 г. Стимулом для ее подписания явилась угроза принятия закона РФ «О Высшем совете по этике и нравственности в области кинематографии и телерадиовещания в Российской Федерации» (по проекту должен был вступить в силу с 1 ноября 2000 г.), который истолковывался как «угроза» свободе слова. Данный ФЗ был принят в трех чтениях Госдумой РФ, одобрен Советом Федерации, но отклонен Президентом РФ. Однако положения «Хартии...» не стали руководством к действию, и вопрос о новой редакции ФЗ № 90051824-3 «О Высшем совете по защите нравственности в области телевизионного вещания и радиовещания в РФ» вновь на повестке дня.

Во-вторых, это *Антитеррористическая конвенция* (правила поведения СМИ в случаях террористического акта и контртеррористической операции), которая подписана в рамках Индустриального комитета 8 апреля 2003 г. как реакция на действия репортеров во время теракта в Театральном центре на Дубровке. В Конвенции подчеркивается, что «угроза терроризма не должна использоваться как повод и оправдание для введения ограничений в отношении прав на свободу мнений и средств массовой информации», которые руководствуются адекватными ситуации правилами поведения. Тем не менее, трагедия в Беслане (1 сентября 2004 г.) освещалась вне ограничивающих рамок и руководящих установок Конвенции.

В-третьих, *Хартия российских телеведущих «Против насилия и жестокости»* представляет собой «соглашение» между внутридумской комиссией по взаимодействию со СМИ и руководителями шести федеральных телеканалов (Первый, «Россия», НТВ, ТВЦ, СТС и REN TV). Данный компромисс достигнут 7 июня 2005 г., в преддверии рассмотрения Госдумой РФ во втором чтении «Закона о СМИ» с жесткими формулировками. СМИ обязались «принимать

меры к недопущению нанесения ущерба общественной нравственности, распространения информации и материалов откровенно циничного и оскорбительного характера и/или пропагандирующих культ насилия и жестокости». Однако уже через четыре месяца 2 ноября 2005 г. Госдума РФ была вынуждена принять Обращение к руководителям телевизионных каналов, подписавшим Хартию, с требованием соблюдать ее положения. Более того, 4 мая 2006 г. в связи с участвовавшими случаями проявления ксенофобии и национализма сами лидеры медиаиндустрии приняли обращение к журналистскому и издательскому сообществу по вопросам межнационального согласия и толерантности.

В-четвертых, в процессе обсуждения – «Хартия журналистов России», инициированная Общественной палатой РФ как «общественный» баланс наметившейся тенденции к огосударствлению СМИ и «угрозе» создания контролирующей инстанции в соответствии с «многострадальным» законопроектом № 90051824-3 «О Высшем совете по защите нравственности в области телевизионного вещания и радиовещания в РФ», в очередной раз внесенным на рассмотрение комитетом по культуре Государственной Думы РФ, несмотря на почти десятилетнюю историю обсуждений-отклонений (в первом чтении принят ГД еще 11 февраля 1998 г.). По экспертному заключению (протокол опроса членов ОП РФ № 41-П от 21 ноября 2007 г.), направленному в Государственную Думу ФС РФ, Общественная палата РФ не поддерживает данный законопроект.

Данные примеры саморегулирования СМИ наглядно демонстрируют диалектическую взаимосвязь с регулированием, или, в терминологии русского философа И.А. Ильина, «принцип учреждения, властной опеки» совмещается с «принципом корпорации, выборного самоуправления» [12, с. 123].

«Низовая самоорганизация» поддерживается и, более того, периодически стимулируется властью, ибо доверие населения к СМИ коррелирует с доверием населения к властным структурам. В результате *институт саморегулирования встраивается в систему легитимации власти*, укрепляя ее демократический имидж. Дабы не потерять демократическое «лицо» (саморегулирование, «свобода слова») и сохранить контроль над ситуацией, власть замыкает саморегуляционный процесс на себя посредством следующих действий: 1) участие в органах саморегулирования (Судебная палата по информационным спорам была учреждена при Президенте РФ; Общественная палата РФ наделена «контрольными» полномочиями); 2) включение профессионально-этических норм журналистской деятельности в законодательство; 3) инициирование процесса «принудительного саморегулирования» (А.Г. Рихтер).

Авторитарные интенции государства обретают латентный характер, а журналисты и аудитория – благоприятные нравственно-правовые «правила» социального диалога. Проблема информационного тоталитаризма и социально-политической стагнации заключается не в присутствии государства на медиарынке (это жизненно необходимое социуму условие), а в характере проявления этого присутствия.

Государственно-медийная вертикаль чревата самообманом власти, а отсутствие государства на информационном пространстве страны – повторением информационного хаоса начала 1990-х годов. Социально-медийный оптимум –

плюрализм изданий при их четком позиционировании, информационной «адресности» и социальной ответственности независимо от форм собственности.

Саморегуляция журналистов имманентна общественным СМИ.

На европейском уровне независимость общественных вещателей от политического и экономического вмешательства регулируется Резолюцией № 1 «Будущее общественного телерадиовещания», принятой на IV Европейской конференции министров по политике в области средств массовой коммуникации (Прага, 7–8 декабря 1994 г.), и последующими Рекомендациями Комитета министров Совета Европы государствам-членам. Обязательства по общественному вещанию, принятые на себя государствами-участниками, содержательно пересекаются с этическими, профессиональными Кодексами и Хартиями в силу своей гуманистической направленности и ответственности. К России как члену Совета Европы «общественные» медиа-стандарты имеют непосредственное отношение. Однако законопроект «Об общественном телерадиовещании» (2003 г.), разработанный профессором М.А. Федотовым по инициативе Союза Журналистов России снят в ГД РФ с рассмотрения; подававший надежды канал ОРТ оказался «общественным» только по названию; проект концепции создания в России общественного телерадиовещания с техническим заданием, направленный в Правительство РФ Министерством культуры и Минэкономразвития еще в 2005 г., до сих пор не утвержден.

Проблема многолетнего «торможения», на наш взгляд, имеет не столько финансово-экономический, сколько политический характер. Власть не мотивирована на развитие общественного телерадиовещания, на отказ от виртуальной политики, на открытость, прозрачность госструктур (ФЗ № 386525-4 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»).

Общественные СМИ – это социальная саморефлексия и гражданские предложения власти преобладающей. Это инструмент не только медийной, но «коммуникативной, народной политики» [13, с. 8]. В лице социально ответственных по своему «общественному» статусу и содержанию масс-медиа институт саморегулирования СМИ обретает наглядный пример для подражания. Пустующую нишу выражения общественных интересов в России при слабой развитости структур гражданского общества могли бы занять некоторые из ныне «государственных» СМИ (механизм «реорганизации» представлен в законопроекте М.А. Федотова).

Власть, лишая себя сильных и независимых СМИ, теряет коммуникативный механизм, выводящий систему на новую стадию общественно-государственного взаимопонимания. Это ситуация нерелексивного, силового самосохранения власти.

Признание корреляции между информационной устойчивостью политической системы и «общественным» качеством СМИ требует законодательно объявляющих предпочтений со стороны государства общественным масс-медиа и строгих юридических гарантий независимости от правительства.

Таким образом, СМИ, укрепляя социальную ориентированность и этичность контента, легитимируют власть посредством функционирования следующих механизмов саморегулирования:

- Административно-организационные механизмы, повышающие действенность нормативно-этических установок: «внештатное» участие (на правах эксперта, консультанта) представителей власти в работе Общественных советов при редакциях СМИ; подкрепление норм профессионального этики мерами дисциплинарной ответственности; поддержка независимых корпоративных органов масс-медиа условиями организационного благоприятствования.

- Внедрение практики омбудсменов при редакциях, чья саморегуляционная деятельность законодательно защищена от редакционных «правок». «Правозащитная» функция включает в себя отстаивание прав журналиста в конкретной конфликтной ситуации, корректировку редакционного мнения на основе систематического активного диалога с аудиторией.

- Становление общественного вещания: принятие закона «Об общественном телерадиовещании»; реализация мер государственной экономической поддержки всех общественно-полезных СМИ; определение механизмов общественного контроля вещания (например, наблюдательный совет, формируемый из авторитетных общественных деятелей); реализация «пилотных проектов» общественного вещания в регионах с целью апробации различных вариантов финансирования, управления, состава общественных советов, редакционно-программной политики.

- Выстраивание системы сетевых взаимоотношений, поддерживающих социальную ответственность СМИ, – это независимые органы для разрешения информационных споров на федеральном и региональном уровнях; редакционные кодексы профессиональной этики; укоренение мотивации журналиста к индивидуальной нравственной ответственности.

В результате задействованности всех звеньев механизма саморегуляции следует ожидать кумулятивный эффект за счет организационной адаптивности к обстоятельствам, гибкости и взаимодополнительности.

СМИ под контролем общества и самих СМИ, а не государственного цензора – идеальный вариант развития событий, вполне соответствующий имиджу демократии. Стимулируя процессы саморегуляции медиа-отрасли, реализуя социально ориентированную государственную информационную политику, власть обеспечивает себе не только ситуационную, а стратегически обусловленную легитимность, в которой будущее детерминирует настоящее.

Summary

L.S. Leontieva. Self-Regulation of Mass Media as a Mechanism of Authority Legitimation.

Communicative legitimacy of the authority greatly depends on the trust of population to the institute of Mass media. The stable nature of the mass media dissipative system, as conditioned by national interests, presupposes the anti-entropic regulatory process within the information and self-regulation space of mass media. The mutual transfer of the open media-system from the balanced to the unbalanced status represents the Russian model of self-regulation and state involvement into the activities of the corporate mass-media structures. The mechanisms of self-regulation, as presented in the article, stimulate the dialogue ability within the relationship between the state and public society and facilitate the balance between “freedom and responsibility”. Thus, the informational stability within the political system is achieved.

Key words: self-regulation of mass media, information and communicative relations, communicative legitimacy, informational stability within the political system, communicative nature of the authority, retroactive communication between the authorities and public society, mental and political identity, direct and non-direct management, public transmission, socio-political informatiology.

Литература

1. *Киричек П.Н.* СМИ в системе «государство-общество». – М.: РАГС, 2007. – 32 с.
2. *Луман Н.* Власть / Пер. с нем. – М.: Практикс, 2001. – 256 с.
3. *Шевченко А.В.* Информационная устойчивость политической системы: дискурсивный подход // Теория и практика информационной политики: Сб. науч. ст. – М.: Изд-во РАГС, 2007. – Вып. 1. – С. 144–158.
4. *Варела Ф.* Автономность и аутопоэз / Пер. С. Цоколова по: Varela F. *Autonomy and Autopoiesis* // Rolh G., Schwegler H. (Eds.) *Self-organizing Systems*. – Campus Verlag, 1981. – Р. 14–23. – Режим доступа: http://v2.circle.ru/info/52/Francisko_Varela2.doc.
5. *Попов В.Д., Федоров Е.С.* Коммуникативные коды имиджа власти. – М.: ИД «Каммерон», 2004. – 72 с.
6. *Дубин Б.* Посторонние: власть, масса и массмедиа в современной России // Отечественные записки. – 2005. – № 6 (27). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru>.
7. *Шевченко А.В.* Информационная устойчивость политической системы. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 256 с.
8. *Попов В.Д.* Социальная информатология и журналистика. – М.: Изд-во РАГС, 2007. – 336 с.
9. *Ткач А.* Органы саморегулирования СМИ: зарубежный опыт // Актуальные проблемы саморегулирования СМИ. Сер. «Журналистика и право». – М.: Ин-т проблем информационного права, 2005. – Вып. 54. – Режим доступа: <http://www.medialaw.ru/publications/books/self1/20.html>, свободный.
10. *Скворцов О.Ю.* Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров в России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006.
11. *Рихтер А.Г.* Саморегулирование журналистов в постсоветских государствах // «Pro et contra». – 2006. – Июль-август. – С. 50–61.
12. *Ильин И.А.* О монархии и республике // Вопр. философии. – 1991. – № 5. – С. 95–145.
13. *Попов В.Д.* Власть – народ и информационная политика: проблема взаимодействия. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 23 с.

Поступила в редакцию
17.03.08

Леонтьева Людмила Станиславовна – кандидат философских наук, заместитель проректора по научной и учебной работе Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан, г. Казань.

E-mail: ls13@yandex.ru; lcl@nm.ru